5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 31 ЦЕНА 15 КОП

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АВГУСТ МОСКВА, Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927 ГОД

Рис. Ив. Малютина

В ВЕНЕ

СОГЛАШАТЕЛЬ ОТТО БАУЭР (рабочим-революционерам, захватывающим здание венского суда):
— Товарищи! Куда же вы? Вы позабыли сдать на хранение ваши фуражки... А я уже и номерочки приготовил.

ЗВОН КОЛОКОЛОВ

Еще древние мудрецы утверждали, что петух, родившийся в конюшне, никак не может считаться по этому случаю жеребцом.

Ежели же этот петух будет вас уверять, что ему очень нравится быстрая езда и что он любит душистое сено,— не верьте ему.

Врет курицын сын. Подлизывается к скотине — и не больше.

Да имеются ли в природе такие петушки? В природе нет, а среди белой эмиграции нашелся.

Есть на свете доктор Пасманник. Был он когда-то в России одним из вождей сионистов. Писал большие статьи и все уговаривал евреев отправиться в Палестину.

После революции этот благоверный еврей поселился в Париже, где вкупе с другими вождями сионистского движения растратил солидную сумму партийных денег.

Оставшись без средств к существованию, Пасманник начал писать статейки в белых газетках, в которых ругал большевиков.

За это стали платить сущие гроши: много их за границей нашлось охотников ругать советскую власть по 3 копейки за строчку.

Пасманник не падает духом. Он становится монархистом и призывает к террору. Стали платить по пятаку за строчку.

В своих статьях почтенный доктор заявляет, что он, как еврей, чувствует, что еврейский народ не может обойтись без династии Романовых. 300 лет эта династия правила, и евреи к ней привыкли. Теперь они очень скучают. Хоть какого-нибудь Романова, хоть самого паршивенького.

И вообще еврейская нация — уверяет Пасманник, — хотела бы, чтоб в России кто-нибудь был со скипетром, в порфире, а то толстовки да пиджаки надоели.

Монархисты из „Нового Времени“ потешаются над этим „жидком“, но забавы ради дают ему слово на собраниях, печатают его статьи.

Хлопают его по плечу и говорят:

— Хотя и еврей, а хороший человек. Но не гордись, сын Израиля, в нашу конюшню не примем. Ходи петухом вокруг да около да поклевывай наш навоз.

Но Пасманник хочет слыть за жеребца.

— Я, — говорит он, — за корону. Почему Маркову второму можно, а мне нельзя? Еврейская буржуазия хочет царя. Жить без него не может.

И начал петушок стараться. Лезет в большие скотины.

Вот недавно, на одном эмигрантском собрании, Пасманник произнес весьма трогательную речь в честь „этого милого юноши“, Бориса Каверды.

— „Мы должны действовать, — сказал он, — в особенности теперь, когда мы имеем, наконец, моральную поддержку“...

Тут он всхлипнул и с дрожью в голосе продолжал:

— „Позвольте преклониться перед тем, кто дал недавно нам урок готовности приносить себя в жертву. Позвольте преклониться перед Кавердой“...

Ему позволили. Но он не преклонился и продолжал:

— „Недалек тот час, когда вы, православные, будете восторгаться звоном колоколов в Москве“...

Хотя ему не поверили, но аплодировали.

* * *

И сидит теперь старый сионист и мечтает о храме Христа-спасителя, о колокольном звоне, о патриархе...

До чего может довести человека классовая ненависть! Каутский мечтает о восстаниях кавказцев, Пасманник — о колокольном звоне московских церквей.

Русские рабочие и передовые крестьяне превращают церкви в клубы, а еврей-буржуа кричит о колокольном звоне.

Нет, это не петух. Дайте ему почетное место в конюшне, отведите жилплощадь на свинюшнике! Он там будет—равный среди равных.

Г. РЫКЛИН

НА ПЛЯЖЕ

Рис. Ю. Ганфа

— Мне на этом месте по горло, а Крысинскому все по пояс.

— Он-же выше поясом: он по третьему поясу получает, а вы по второму.

МОЙ ПОЛТИННИК

Вторая лотерея Авиахима проходит с огромным успехом.

Из газет.

Я мечтал: билет в кармане... В чем же дело? Так и быть, буду в Тихом океане на стальном левиафане к берегам далеким плыть!

Я страдал: скорей! Нет силы! Лотерейный барабан повернет ребенок милый, и... умчит меня к кабиллам быстролет-аэроплан!

Я искал! В пучине серий, номемеров, рядов, нулей... В счатье радостное веря, я искал ключи от двери в порт воздушных кораблей.

Но увы! Кому знакома боль, что в сердце, как кинжал? Счастье выпало другому, я сижу, как прежде, дома...

А полтинник мой! Пропал? Нет! Я взглянул: там, где тучи, вихрясь, спорят с синевой, выше, выше! Круче, круче! Кораблей ряды летучих пролетают над землей!

Я пошел: даю вам слово!

Я пошел: сомнений нет! Что б отдать полтинник снова, что б для случая другого лотерейный взять билет.

Я мечтаю: я с билетом! В чем же дело? Так и быть, познакомлюсь с белым светом, в дь, наверное об этом не придется мне тужить?

Ну, а если... Ну, так что же? Над моею головой, птиц взволнованных тревожа средь других тогда, быть может, полетит полтинник мой!

АНДРЕЙ ИРКУТОВ

ИГНАТИЙ ПУДЕЛЯКИН

НА прошлой неделе мой друг художник Игнатий Пуделякин наконец возвратился из кругосветного путешествия, которое он совершил „с целью познакомиться с бытом и культработой Западной Европы и Северной Америки, а также сделать серию эскизов и набросков флоры, фауны и архитектуры упомянутых выше стран и вообще“—как было собственной Пуделякина рукою написано в соответствующей анкете.

Надо признаться, что в обширной истории мировых кругосветных путешествий научное турнэ Пуделякина занимает далеко не последнее место. Поэтому я считаю своим нравственным долгом поведать всему цивилизованному человечеству историю о том, как путешествовал мой друг художник Игнатий Пуделякин вокруг света.

* * *

Еще долго до от'езда Пуделякина вокруг света я сказал Пуделякину:

— Ты бы себе, Пуделякин, туфли новые купил—гляди, Пуделякин, у тебя пальцы из обуви наружу выглядывают. Что подумает о тебе, Пуделякин, Западная Европа и Северная Америка? От людей за тебя, Пуделякин, бессовестно!

Однако, у Пуделякина повидимому была своя точка зрения на общественное мнение Западной Европы и Северной Америки. Не такой был человек Игнатий Пуделякин, чтобы унывать. Наоборот. Игнатий Пуделякин загадочно усмехнулся и зашипел:

— Ни хрена. Туфли это пустяк. Главное—визы. А пальцы пускай если хотят выглядывают, это их частное дело. Вот приеду в Европу—в Европе, между прочим, обувь дешевая. Замечательные штиблеты—8 рублей на наши деньги. Факт.

* * *

На вокзале я нежно обнял Пуделякина.

— Смотри же, не забывай, пиши. На твою долю выпало редкое счастье об'ехать вокруг света. Не упускай случая.

— Уж не упущу,—задумчиво подтвердил Пуделякин.— Будьте уверены.

Я прослезился.

— Ну, всего тебе, Пуделякин, доброго. Я с нетерпением буду ожидать от тебя открыток. Пиши обо всем, не упускай ни одной подробности. Опиши сиреневые огни Парижа, когда весенние сумерки ласково окутывают мощный скелет Эйфелевой башни, опиши жемчужные струи Рейна, опиши величественные очертания римского Колизея и геометрическую мощь Бруклинского моста в Нью-Иорке. Не позабудь, Пуделякин, также загадочного сфинкса и транс-атлантического парохода, на борту которого, тебе, Пуделякин, предстоит пересечь Атлантический океан.

— Уж не забуду,—бесшабашно пообещал Пуделякин, нетерпеливо двигая большим пальцем правой ноги, выглядывающим из совершенно дырявой туфли,—мне бы только до Европы дорваться, а там—ого-го!

— Смотри же, Пуделякин. Я твердо рассчитываю, Пуделякин, на тебя. Я надеюсь, Пуделякин, что от твоего зоркого глаза не укроется ничто: ни желтые воды Тибра, когда, колеблемые смуглым ветром долин, они струятся широким потоком, который...

— Уж не укроется, будьте уверены,—сказал Пуделякин и уехал в Западную Европу и Северную Америку.

Пуделякин сдержал свое обещание. Через неделю я получил от Пуделякина первую открытку.

* * *

Дорогой Саша! Ура-ура-ура! Наконец-то я—в Западной Европе, которая так необходима для расширения моего умственного кругозора. Вчера приехал в Варшаву. Первым делом, прямо с вокзала отправился покупать штиблеты. Дешевизна феноменальная. Пара прекрасных штиблет на наши деньги стоит (можешь себе представить!) всего 10 рублей. Нечто совершенно фантастическое! У нас таких и за 40 не найдешь. Впрочем, штиблетов не купил. Говорят, в Вене штиблеты вдвое дешевле и втрое лучше. Ужасно рад, что наконец-то в Западной Европе! Целую тебя нежно. В Варшаве дожди. Завтра выезжаю в Вену. Твой Пуделякин.

* * *

Здорово, Сашка! Пишу тебе из Вены. Действительно— феноменально. Ботиночки, что надо! Красота: 9 целковых на наши деньги. Хотя, говорят, в Берлине еще дешевле и лучше. Так что пока не купил. В 9.40 выезжаю в Берлин. Лучше подождать сутки, но зато купить действительно вещь, не правда ли? А хорошо в Западной Европе, чорт ее подери, только удобств маловато: на улицах, например, осколки всякие валяются, и я здорово порезал себе на левой ноге пятку. Впрочем, Вена городок—что надо! Ну, пока. Твой Пуделякин.

* * *

Саша! Штиблеты—7 целковых на наши деньги! Феерия! Хотя, говорят, в Гамбурге в половину дешевле. Думаю смотаться в Гамбург, зверинец кстати посмотрю. 7 целковых, а?! Это тебе не Гум. Ну, пока. Пуделякин.

* * *

Понимаешь, какая неприятность: приехал в Гамбург в субботу вечером, магазины закрыты. Все воскресенье, как дурак, проторчал в номере, никуда не выходил. В ресторан почему-то не пустили. Едва дождался понедельника. Штиблеты действительно феноменально дешевые. На наши деньги что-то рублей 6. Невероятно, но факт! Один русский сказал, что в Бельгии обувь можно приобресть буквально задаром. Подожду до Льежа. Не горит. Пока. Пуделякин.

* * *

Пишу из Парижа. Штиблеты—4 рубля на наши деньги. В Марселе еще дешевле. Сижу по случаю дождя дома. Вечером выезжаю в Марсель. Пока. Пуделяк.

* * *

Чуть было не купил штиблеты в Марселе. Вечером выезжаю в Неаполь. Там, говорят, феноменально дешевая обувь. А еще все кричат, что Италия земледельческая страна. Мостовые в Марселе плохие—все ноги побил к чортовой матери. Пока. Пуделя.

* * *

Неаполь. Обувь не стоит выплываю Индию феноменально Пуделякин.

* * *

Бомбей. Похабные мостовые штиблеты бесценок Америке дешевле понедельник Санфранциско Пуделякин.

* * *

Чикаго. Штиблеты гроши умоляю телеграфом 300 Мельбурн феноменально разоренный Пуделякин.

* * *

Я послал Пуделякину 300. После того прошло четыре месяца. О Пуделякине не было ни слуху, ни духу. В начале пятого я получил от Пуделякина открытку из Одессы. Вот она:

* * *

Дорогой Саша! Чуть было не купил в Константинополе обувь. Феноменально дешево. Что-то полтора рубля на наши деньги. Однако, спасибо,—встретил одного человека. Узнав, что я русский и иду покупать обувь, он всплеснул руками и воскликнул:—„Милый! Вы с ума сошли! Россия—это же классическая страна кожи! В Тверской губернии есть уезд, где все население занимается исключительно выработкой хорошей и дешевой обуви!“

Думаю смотаться в Кимры. Кстати, это не далеко от Москвы. В Константинополе собак не так уж и много. Ноги, представьте себе, привыкли. Пожалуйста, продай мой синий костюм за 60 рублей и вышли деньги телеграфом. В пятницу выезжаю в Кимры. Целую тебя нежно. Пуделякин.

* * *

На днях я видел большую, красивую афишу, где сообщалось, что известный Игнатий Пуделякин прочтет лекцию о Западной Европе и Северной Америке.

Тезисы были заманчивы.

Но я не пошел на лекцию Пуделякина.

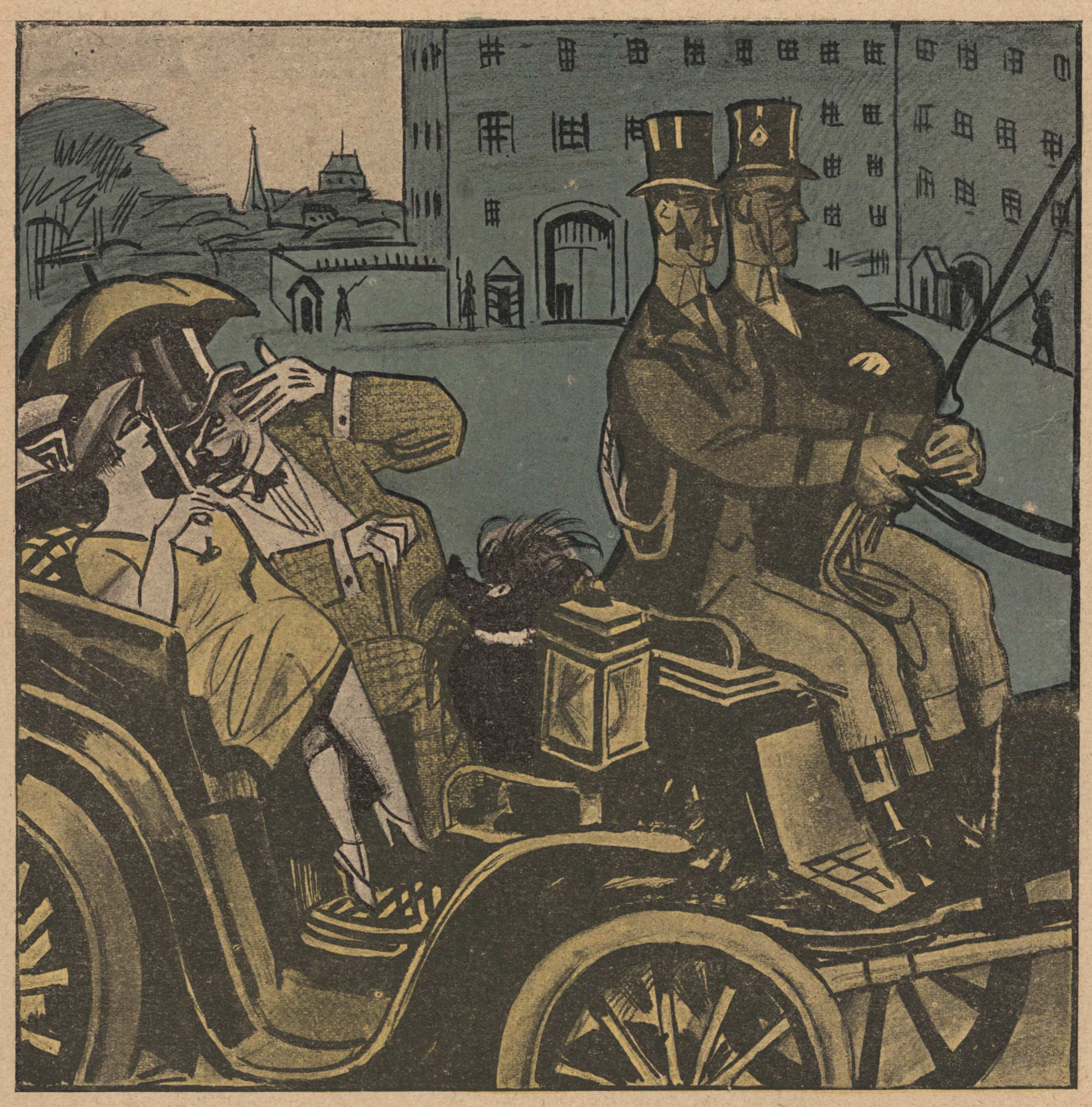
Где-то ты теперь читаешь, Пуделякин? Ау, Пуделякин!

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Очередной румынский премьер министр проворовался.
Из газет.

Рис. А. Радакова

— Почему это, проезжая мимо этой тюрьмы, ты всегда отворачиваешься?
— Я не люблю заглядывать в будущее.

„ЭКСКУРСИЯ"

Туда...

УТРО. Солнце. Теплый ветер. Говор. Крики. Смех. Галдеж.
Тут и взрослые, и дети и, конечно, молодежь.
Экскурсанты в полном сборе. Гром оркестра. Песен звон.
Удовольствие во взоре, а в пакетах — закусон.
— Шагом марш! — поют ребята, теребя прохожих слух.
Впереди несут плакаты:
„В бодром теле — бодрый дух!"

Обратно...

ВЕЧЕР. Сумрак. Гуще тени...
Дремлют четверо ребят: руковод о Чемберлене бедным делает доклад. Те, что старше, долбанули до тумана в голове и, поев, тотчас заснули тут же прямо на траве.
Лишь знаменщик, кроя матом без стеснения и вслух, брел домой вдвоем с плакатом:
„В бодром теле — бодрый дух!"

ГУЛИК

ПОСЛЕ ВЕНЫ

Рис. М. Черемных

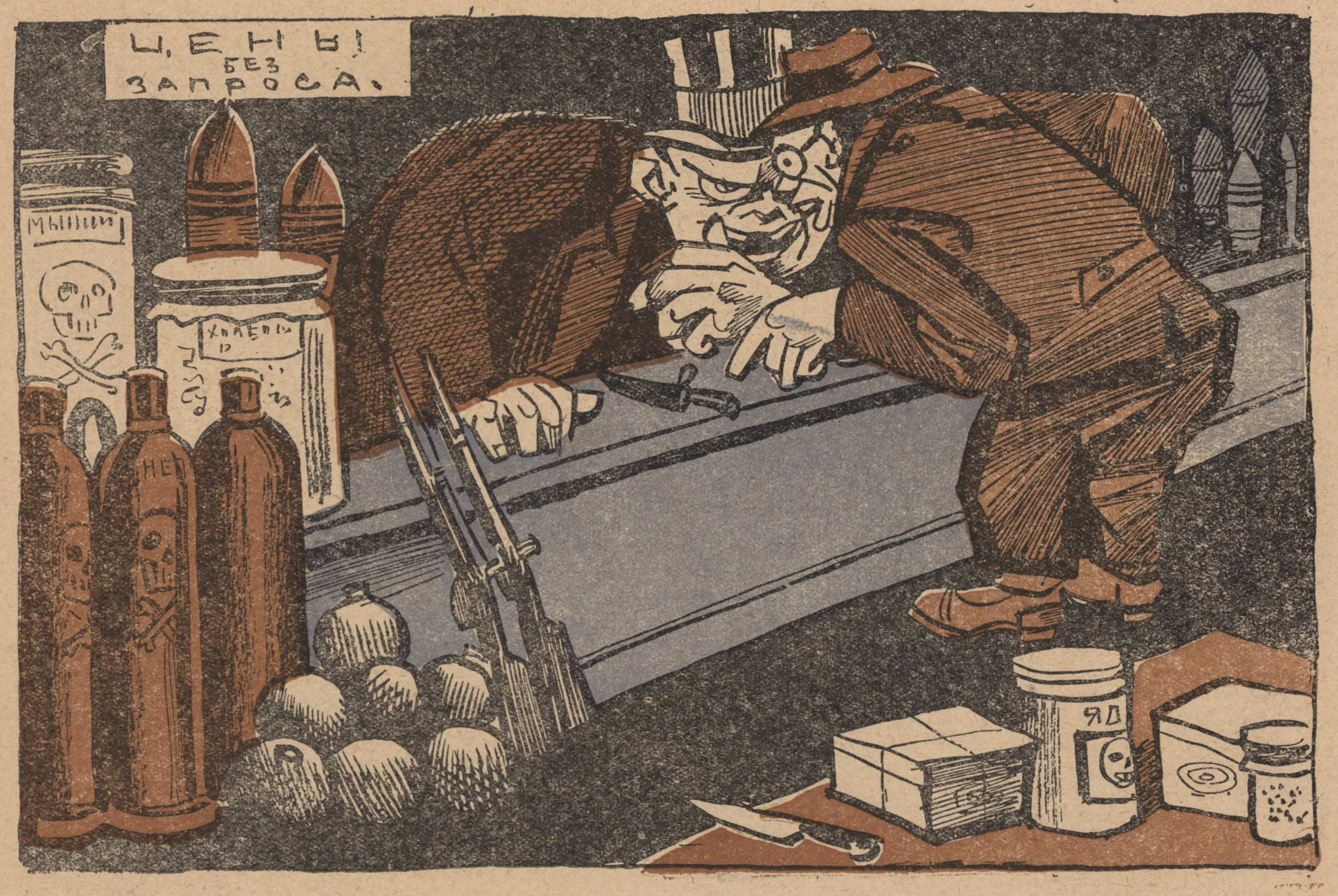

— Что ни говори, а булыжная мостовая при стычке с полицией удобнее, чем асфальтовая: в крайности есть, чем запустить!..

В МЕЖДУНАРОДНОМ МАГАЗИНЕ

Рис. А. Радакова

Из Финляндии в СССР непрерывно направляются шпионы и террористы.

— Что прикажете-с? Английскую бритвочку или итальянский кинжальчик?
— Дайте мне простой финский нож. Им удобно действовать из-за угла.

ПИРАТЫ

КАК старый опытный моряк, во-время укрывшись в бухте и свернув паруса, глядит на разбушевавшееся море, смотрели они, два кооператора, на жирный газетный шрифт:

> **БОРЬБА ЗА ЦЕНЫ**
> **Боевой задачей нашего дня...**

— Шторм,— мрачно вздыхали кооператоры.— Буря... Пока нельзя.

> **К ОТВЕТУ ПОВЫШАТЕЛЕЙ**
> *Железной рукой... с корнем... вырвать...*

— Ни-ни! Забьет, захлещет, утопит. Сиди и жди погоды.

Грозные волны негодования налетали, сталкивались, громили.

— Крепчает,— хмурились кооператоры.— Того и гляди, с якоря сорвет. И думать нельзя.

— Нельзя, нельзя. Дует в хвост и в гриву.

> **ПОД ЗНАКОМ СНИЖЕНИЯ**
> Обследование... упорно... качество... товар... неходовые...

Шумным ливнем забарабанил дождь обвинений, пронырливыми ручейками нахлынул контроль.

> **В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ**
> **3%... успешно... 7%... достижение.. 9% победа...**

— Ох-хо-хо,— ежились кооператоры.— Подождать надо.

— Подождем.

И встречали комиссии, как морские пираты провожают взглядами военный корабль, не смея к нему подойти.

— Как-будто тише,— переглядывались кооператоры.— Но еще рано.

— Рано, рано, нельзя.

> **ХРОНИКА**
> **Об'явлен выговор работникам кооперации: Иванову, Сидорову, Петрову и др.**

— А погодка-то разгуливается,— подмигивали кооператоры.— Пора, что-ли?

— Гм... Кхе... Гм...

> **Вчера закончилась кампания по снижению цен**

— Штиль,— вскочили кооператоры,— теперь можно. Подымай цены!

— Сарынь на кичку! Уррр-а!

К. МАЗОВСКИЙ

ЛЕТНИЙ ПРАЗДНИК

Рис. Ив. Малютина

— Что тебе, Петичка, напоминает этот фейерверк?
— Борьбу с бюрократизмом в нашем учреждении: вспыхнула и сейчас-же начала угасать.

КАРТОЧКИ

Я ЧУТЬ-ЧУТЬ не заказал для себя эти замечательно удобные наклеивающиеся карточки с адресами.

Представьте миниатюрный блокнотик. На каждом листочке напечатаны ваши имя, отчество, фамилия, подробный адрес, номер телефона и, наконец, профессия.

Словом, все, кроме партийности и „что делали до революции“.

Оборотная сторона каждого листочка смазана на подобие почтовой марки клеем.

Если при встрече с полезным или приятным для вас лицом вы хотите оставить ему для памяти свой адрес, вам не нужно искать карандаш, записную книжку или писать на газетном обрывке. Вы торжественно вырываете из блокнотика листик, лижете языком (сплевывая гигиены ради) и наклеиваете тому человечку куда-нибудь. Всегда найдется, куда наклеить.

Преимущество такого способа очевидно: простота и гарантия, что адрес не затеряется.

Я совсем уже готов был обзавестись этой остроумной новинкой. Но, к счастью, во время узнал историю, случившуюся с Сеней Абрашиным.

Умолчать о ней и только самому использовать печальный чужой опыт — было бы недостойно, не по-товарищески.

Поэтому я решил рассказать все, как было.

* * *

Я встретил Сеню Абрашина как-то вечером, на улице.

Этот добродушный толстяк радостно уцепился за меня и, ласково поглядывая сквозь круглые роговые очки, сказал:

— Адрес мой помните? А номер телефона?

— И то и другое у меня записано где-то, — сказал я.

— Ах, где-то! Знаем мы это „где-то“! Ну, покажите вашу записную книжку. Поищите, где записано. Голову даю на отсечение, что не найдете!

Я стал перелистывать записную книжку. Сеня оказался прав: среди беспорядочных записей вкривь и вкось, в путанице каких-то букв, каких-то номеров, — невозможно было найти его адрес.

Он обрадовался.

— Вот видите! Давайте сюда книжку, — я вам наклею!

И тут он впервые продемонстрировал мне эту остроумную новинку.

Адрес Сени и сейчас у меня. Его трудно забыть — он наклеен на внутренней стороне переплета записной книжки.

Вот и сейчас я читаю:

> Семен Петрович Абрашин.
> Переводчик с немецкого.
> Вилейская 5, кв. 17. Тел. 1-93-01.

Четко, ясно. Чортовски удобно.

А между тем, я продолжаю пользоваться старым, кустарным способом:

— Дайте карандашик. Клочок бумаги найдется? Я вам напишу свой адрес.

Потому что так спокойней, потому что вот какая неприятность стряслась над Сеней.

Неделю спустя, я заметил его возле трамвайной остановки.

Было жарко, а этот бедняга стоял на солнцепеке и с самым озабоченным видом шарил во всех своих карманах.

— Что вы ищете? — спросил я.

Сквозь роговые очки на меня взглянула пара глаз, самых недоумевающих во всем мире (или, по крайней мере, на всей трамвайной остановке).

— А! — крикнул он: — Черти куда-то взяли мои адреса.

— Те самые, которые? Наклеивающиеся?

— Ну, да.

Он вынул носовой платок, потряс, снова спрятал и полез в боковой карман.

— А собственно, зачем они вам в данную минуту? — спросил я.

— В данную минуту они уже не нужны, потому что уехал тот человек. И я ему не наклеил... И все пропало!..

Из дальнейших его слов я представил себе картину происшедшего.

Абрашин случайно встретил Шпаковского. Шпаковский, как выяснилось мог быть очень полезен для него в одном деле.

Необходимо было дать ему свой адрес.

— И тут дернул меня поганый чорт вспомнить об этих наклейках. Ну, и я стал искать. Шпаковский говорит: „Скажите на словах, я запомню“. А я говорю: „Лучше наклеить — вернее будет“. Потом мы шли и разговаривали, а я все искал. Он развивал свои планы по расширению дела, а я слушал, а сам продолжал искать. Потом он уехал, забыв у меня спросить адрес, а я все искал... Ну, прямо заскочило!

— Бывает. А его-то адреса вы не знаете?

— Во-первых, он еще не имел таких удобных карточек; во-вторых, он здесь проездом и сегодня куда-то уезжает... Но где же, однако, эти проклятые карточки? Наверно, я их забыл в одном из двадцати мест, где был сегодня... Если не вернут, так вероятно — украли. Досадно: там осталось девяносто семь штук, расклеил я только три...

Слушайте, читатель, что было дальше.

Если у вас есть сердце, вы несомненно от всего сердца посочувствуете бедняге, который в один ужасный день вдруг нашел одну из девяносто семи своих карточек. Нужно ли говорить, что ни к какому ресторану „Краса Востока“ Абрашин не имел ни малейшего отношения. А между тем на стене он прочел следующее:

„Сообщение!“

„Довожу до сведения уважаемой публики что в моем популярном ресторане **„Краса Востока“** в заново отремонтированном и комфортабельно обставленном зале произошло редкое событие, а именно цветение пальмы раз в десять лет. Там же всегда первоклассная кухня под руководством шефа Петра Степановича и выдающийся европейский оркестр (джаз-банд) под управлением маэстро Эйнштейна.

Цены вне конкурренции!

Приходите! Убедитесь!!

С почтением

> Семен Петрович Абрашин.
> Переводчик с немецкого.
> Вилейская 5, кв. 17, т. 1-93-01.

Об'явление было напечатано на розовой бумаге, и тем резче на ней выделялась ловко подклеенная в конце карточка.

— Мерзавцы! Какая глупая шутка! — с досадой подумал Абрашин: — как видно, мои карточки попали в руки хорошему дураку!

Что дурак был не только хороший, но прямо — отличный, выдающийся — в этом несчастный Сеня вскоре убедился.

Он сел в трамвай.

В трамвае на окне красовалось об'явление: „Я чищу обувь только ваксой Черный Араб“

> Семен Петрович Абрашин.
> Переводчик с немецкого.
> Вилейская 5, кв. 17, т. 1-93-01.

Абрашину сразу начало казаться, что все пассажиры только и делают, что читают об'явление и смотрят на него, Абрашина.

На остановке он выскочил из трамвая и шел, не глядя по сторонам, боясь увидеть свою карточку.

На углу он не утерпел и взглянул на водосточную трубу, заклеенную об'явлениями.

Так и есть! Лучше бы не смотрел...

„Ищу место няни“

> Семен Петрович Абрашин.
> Вилейская 5, кв 17, т. 1-93-01.

ФОРМАЛИСТ

Рис. Б. Антоновского

— Товарищ! Человек тонет!
— А какого он союза?

И нужно отдать справедливость „качеству работы“ — эти проклятые карточки прилипали так крепко, что не поддавались никаким усилиям сковырнуть их.

Абрашин в отчаянии вбежал к себе в комнату.

Настольный телефон бешено звонил.

Абрашин схватил трубку.

— Это 1-93-01?

— Ну, да.

— Почем у вас молоко?

— Какое молоко? Вы не туда звоните!

— Как не туда? В об'явлении сказано: „Всегда свежее коровье молоко“ и точный адрес указан в карточке...

— А чтоб вы сдохли! — рявкнул Абрашин.

— Что? Что такое?

— Я же говорю: сдохли у меня коровы. Ну?!

Это было, поистине, кошмарное время для бедного Сени.

Как-то я встретился с ним Бедняга похудел и неуверенно шел без очков.

— Сеня, это вы?

— А что? Не узнали?

— Не узнал сразу. Где ваши очки?

Он попробовал усмехнуться, сощурив беспомощные близорукие глаза.

— Нарочно снял, чтоб не узнавали! Ведь это прямо скандал, что со мною сделали удобные карточки. Оказывается, я самый универсальный человек! Один за всех! Я ресторан рекламирую, я чищу обувь только ваксой „Черный Араб“, я продаю самое свежее молоко, я — „пристала сука-гордон“, я „ищу место няни“, я — вы это можете представить?! — „возьму ребенка на воспитание“. Вы знаете, — мне таскали штук двадцать ребят — на выбор! Прямо чуть с ума не сошел!

— Бедняга! — посочувствовал я: — И подумать, что этот ужас начался тогда, возле трамвая, когда вы только что обнаружили исчезновение карточек. А, кстати, так вы и не нашли Шпаковского?

— Я его — нет. Он меня — да. Разве можно меня не найти теперь?

Он выдержал паузу и об'яснил:

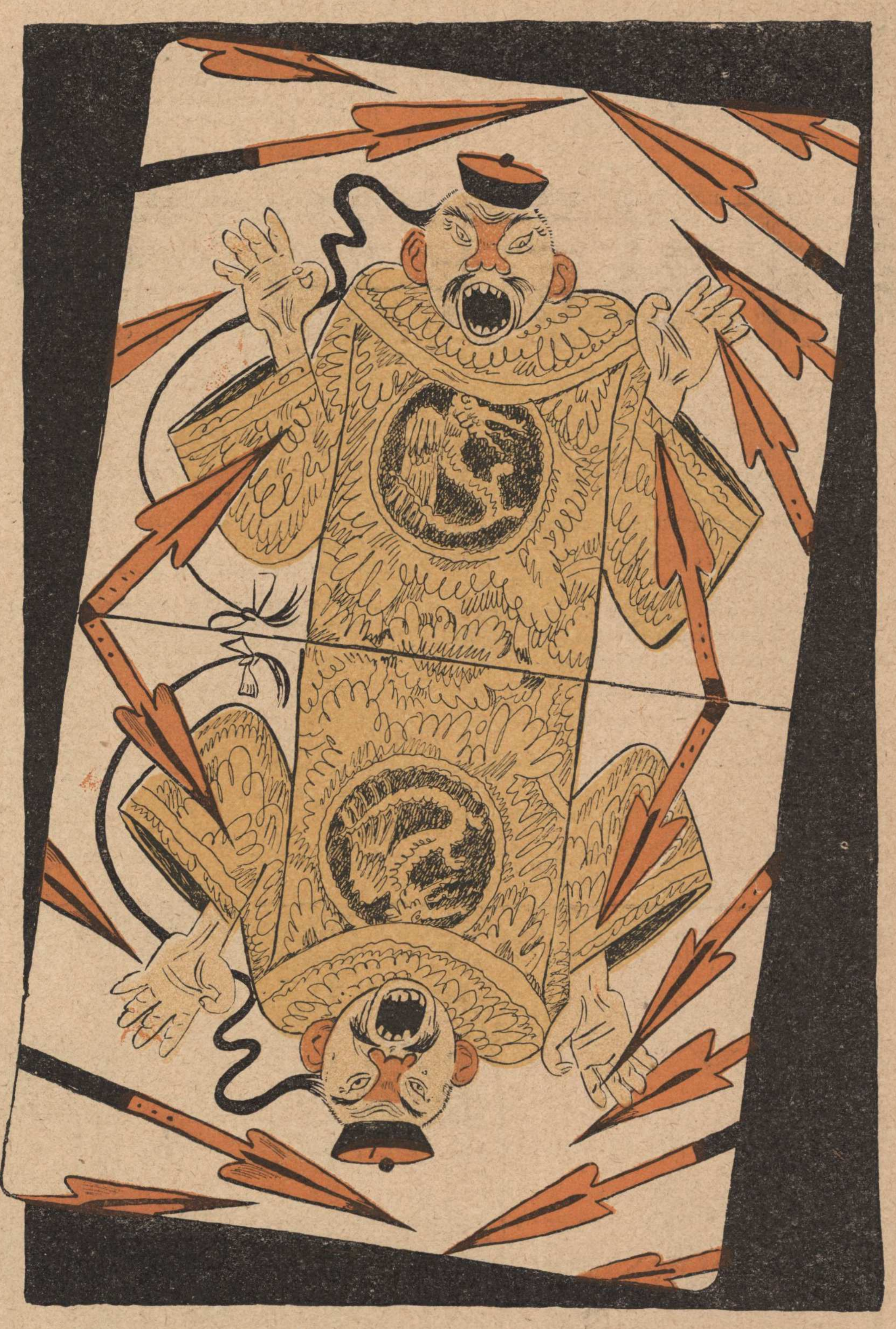
— Шпаковский сейчас здесь. На-днях слышу телефонный звонок. Я уже думал, опять насчет какой нибудь ваксы или „вывожу мозоли без боли“. Оказывается, звонит Шпаковский. Как же он меня нашел!? Очень просто. Зашел в уборную, так там написано: „Соблюдайте чистоту“. А сбоку: Семен Петрович Абрашин... И так далее.

ИЗ. ПРУТКОВ

ПИКОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В тылу армий Чжан - Цзо - Лина появились красные пики.
Из газет.

Рис. Б. Антоновского

— Чорт возьми, всегда пики были черные, а теперь стали красные Вообще, положение пиковое!

РЕМОНТНАЯ ПЕСЕНКА

Всюду катакомбы...
Зло сорвать на ком бы?

С кочки на кочку,
В яму — через бочку,

Кубарем в ухабы..
(Ноги очень слабы)...

На подошвах глина:
Ни туды,
Ни сюды!
Разлюли малина...

Тетка Акулина,
Выручай из беды!

МИХ. АНДРЕЕВ

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Поэт Александр Тиняков издал свою третью книгу стихов под названием „Аз есмь сущий".

Приводим из этой книги следующее четверостишие:

Все мило для мудрого в мире,
Все свято для чистого в нем:
Сидеть ли, наевшись, в сортире,
Упиться ль до хмеля вином.

До сих пор подобное творчество не выносилось за пределы уборных; Александр Тиняков пришел к убеждению, что теперь самая пора приступить к полному собранию его сочинений, разбросанных по стенкам стихохранилищ, на дверях которых имеется надпись: „Для мужчин".

*

Союз поэтов издал книжку стихов Захарова-Мэнского.

На странице 37 Захаров-Мэнский обращается к поэту Александру Блоку с такими неожиданными словами:

Вдвоем с тобой бредем мы пыльною дорогой...

Насколько нам известно, Блок шел своей дорогой — один и в блоке с Захаровым-Мэнским не нуждался...

*

„В Красной Ниве" (№ 27) помещено стихотворение Петра Шамова „Огород".

Начинается оно такими словами:

У избенки кривые закуты
Под окном огород стерегут,
А за ними забор перегнутый
По колено прошел через пруд.

Петр Шамов думает, что если он озаглавил стихотворение „Огород", так можно — „огород городить"?..

*

В том же номере „Красной Нивы" напечатано стихотворение С. Малашкина, автора „Луны с правой стороны".

Вот отрывок из этого стихотворения:

Один вздыхаю у окна
(Во мне холмистая (!) тревога);
Цветами желтыми луна
Дрожит у моего порога.

Без луны Малашкин — ни на шаг!

Малашкин любит в своих рассказах цитировать стихи известных и неизвестных поэтов.

Даем ему две цитаты напрокат:

1. „Как эта глупая луна (с правой стороны)
На этом глупом небосклоне".
и 2. „И так же с неба голубого
Луна (с правой стороны) глядела на меня."

*

В журнале „Медицинский Работник" (№ 20) читаем:

Наводнение в Тюмени.
Печатаемый снимок, присланный в редакцию из Тюмени, иллюстрирует стихийные размеры наводнения. На снимке — разлив левого берега р. Туры.

О разливе берегов мы слышим впервые. До выхода в свет журнала „Медицинский Работник" берега обыкновенно затоплялись, а разливом занимались преимущественно реки.

Кажется, у дедушки Крылова сказано:

Беда, коль кройкой брюк займется плотник,
А описаньем наводнений — „Медработник"!..

*

Из книги стихов „конструктивиста" А. Н. Чичерина (страница 27) „Кан-Фун":

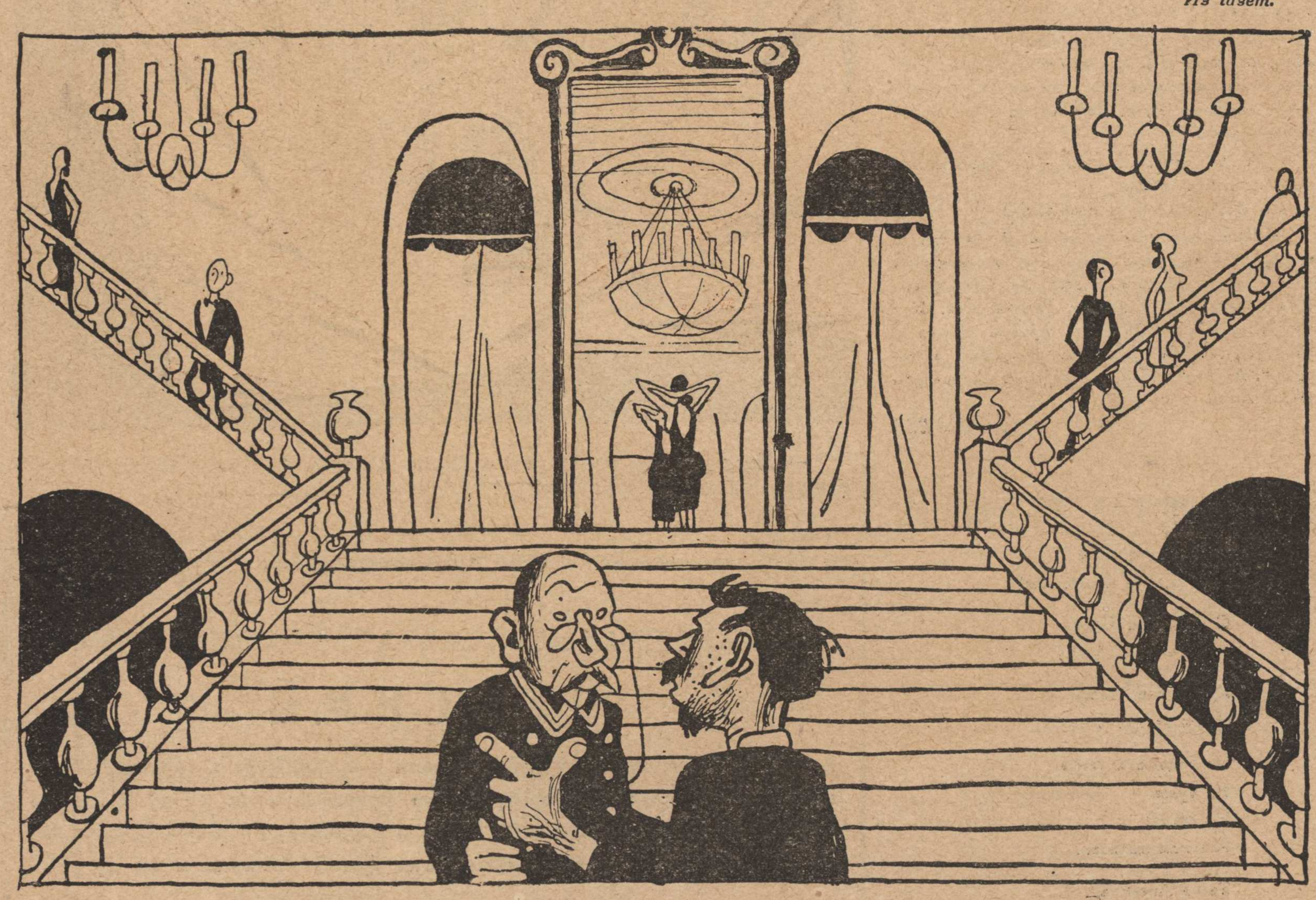
Подумайте и хорошенько взвесьте
Мой жесткий план — условие невесте:
Должна быть женщиной, а не опенком,
Бадьями бедер в хлебову кленку лить;
Могучая, могущая в пеленки
Хоть двойнями, хоть тройнями палить...
. . . . таким я жеребцом взыграю,
Что ты родишь тринадцать жереоят.

Все мы говорим о производительности труда; автор „Кан-Фуна" находит нужным говорить относительно труда производителей.

У ТЕАТРАЛЬНЫХ ВРАТ

Решено сделать доступными для трудящихся театральные буфеты.

Из газет.

— Вы куда-ж это без билета?
— Да я только в буфет. А самый театр мне не доступен.

СОРОК ЧЕЛОВЕК И ВОСЕМЬ ЛОШАДЕЙ

Сенсационное открытие профессора Коняева

Совершенно ошеломительное открытие,— весьма жизненное, непререкаемое и обогащающее сокровищницу современной науки, сделал заслуженный ученый Коняев, в книге под названием „Урал и Библия“.

Более пяти лет упорного непрерывного труда потратил этот отныне знаменитый профессор для того, чтобы доказать что:

1) Ноев ковчег был выстроен на Урале;
2) Вавилонское столпотворение происходило в Елабуге;
3) Сын Ноя Хам жил на реке Хаме, которая, очевидно вследствие исторической опечатки, именуется ныне Камой.

Самый факт существования Ноя, Хама и прочих библейских знаменитостей не подлежит сомнению, ибо, по свидетельству ученого профессора, эти сведения получены им из весьма авторитетных источников, а именно... из английской библии, изданной в Оксфорде.

Не имеется ли в английской библии сведений о том, что в названии реки Дон также допущена опечатка, ибо, как известно, на этой реке в свое время действовал совместно с белогвардейцами однофамилец Хама меньшевик Дан и, следовательно, Ростов-на-Дону должен быть переименован в Ростов-на-Дане.

Однако, вернемся к открытию достоуважаемого герра профессора Коняева.

Итак, оказывается, что

„Ной жил со своей семьей перед потопом около города Бирска на реке Белой. На левом луговом берегу ее между Уфой и Бирском он накосил в дорогу сена, сплавил сюда лес и построил тут ковчег. Для постройки ковчега он избрал хвойное дерево. В основных размерах Ноевого плота-ковчега сохранено отношение, существующее по урочному положению и для ныне строющихся больших сплавных деревянных судов СССР“.

Но, вот, смотрите, быть-может, если бы профессор глубже порылся бы в английской библии, то оказалось бы, что утверждаемая библией нагота Ноя об‘ясняется участием этого веселого праотца в Уральском кружке физкультуры, а неоднократное пребывание в нетрезвом виде несомненно вызывалось близостью неподалеку от ковчега магазина Уральского Госспирта.

* * *

Как известно из достоверных библейских источников, Ной взял с собой в ковчег всех животных, в том числе и длинноухих, по паре.

Мы не ошибемся, высказав научное предположение, что среди некоторой породы Ноевых спутников были и предки Коняева, автора отныне вдвойне исторической книги.

Одесские игры и забавы

Одесские врачи, работающие по ордерам Соцстраха, жалуются на новый вид хулиганства.

От нечего делать, забавы ради, хулиганствующие граждане вызывают якобы „к тяжелым больным врачей“ и, по приходе их, „заливаются звонким смехом“.

Вот один из врачебных рапортов:

„Главврачу. Довожу до Вашего сведения, что среди вызовов на сегодняшний день четыре случая были таких: одну больную застали в кухне за стряпней обеда. Другой больной не оказалось дома. Двое больных жаловались на... плохое настроение“.

Почему бы врачам не пойти навстречу больным и не развеять их тоску и плохое настроение?

Неужели врачи не могут изобрести для таких больных какие-либо развлечения, чтобы вызвать звонкий жизнерадостный смех клиента: одному, например, поставить клизму, другому разрезать и зашить живот, третьему трепанировать череп и извлечь мозги для научно-исследовательской цели:— изучить извилины хулиганского мозга.

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Рис. Б. Малаховского

— Голову прикажете освежить?
— Обязательно, дорогой товарищ. Обязательно.

Лошадиная философия

Свердловские рабочие жалуются:

На водной станции ВИЗ‘а купальщики плавают рядом с лошадьми, которых купают по обе стороны водной станции. Когда рабочие пробовали протестовать, владельцы ответили:
— Чем лошадь хуже вас? Она — животное умное и тоже хочет гигиену соблюдать.

Не следовало ли бы владельцев лошадей переселить в конюшню, а умным и соблюдающим гигиену лошадям предоставить для пользования спальни и уборные этих самих владельцев.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Кабачкову — (Ярославль).— Бесконечное, как сон мертвеца, „стихотворение“ Кабачкова начинается так:

Бегут трамваи...
Говор людей...
Газетчик продает
Газеты...
Народ
Куда-то
Спешит...
Гляжу на витрины
Магазинов...
Чего там только
Нет? . . . . . .
. . . .

В одном мы можем, во всяком случае, позавидовать витринам: там нет стихов гражданина Кабачкова! Наша редакционная корзина в худшем положении!..

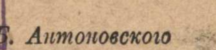
Отвечаем Кабачкову в рифму:

Ваши
Стихи—
Кошмар...
Пожалейте
Чернила,
Молодой
Человек!..
Пока...

Абрамовичу (Харьков).
„Напишите-ка мне, что вас интересует—я все могу написать“...
Нас интересует, поспели ли уже арбузы. Напишите!

Издатель—„ГУДОК“. Отв. редактор—И. Н. Пирогов.
Главлит № 93.596. Отп. в типо-литографии „Искра Революции“ Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110.000.

НЕПОБЕДИМЫЙ БОРЕЦ

Рис. Б. Антоновского

— Держу пари, что Поддубный раздавит этого маленького, как клопа.

— Не раздавит! Я его знаю. Это наш учрежденский бюрократ. С ним мы уже третий год боремся и никак не можем побороть.